

Т. 133

1986

2065-
~~10779~~

ПОСЛѢДНЕЕ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

ВЪ ИСТОРІИ УГОЛОВНАГО ПРАВА

(1867 — 1892 г.).

Н. С. ТАРАНЦЕВЪ.

2106 к.ч.п.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 23.

1892.

Дозволено цензурою. Слб., 4 декабря 1892 г.

*) Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, юношею, я вступилъ на эту кафедру. Много разъ мѣнялась съ тѣхъ поръ моя аудиторія. Далеко, по всей Руси разошлись мои слушатели, трудясь въ различныхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности; не прошли, конечно, безслѣдно и для меня эти годы: много упований, надеждъ, унесъ опытъ жизни; отрезвляющая дѣйствительность понудила на многое измѣнить уголь зрѣнія, измѣнить оцѣнку многихъ учреждений, началъ. Измѣнился преподаватель, — могло ли не измѣняться преподаваніе?

И вотъ теперь, призванный благосклоннымъ свисхожденіемъ совета къ продолженію преподавательской дѣятельности, начиная новое 25-ти-лѣтіе, я предположилъ сегодня, въ бесѣдѣ съ вами, оглянуться на прошлое, посмотреть, — измѣнился ли, и въ чемъ именно, матеріалъ, мною вамъ сообщаемый, и приемы его обработки; измѣнились ли, за этотъ срокъ, требованія, предъявляемыя къ научному изложенію уголовного права? Я предположилъ свести, такъ сказать, и очную ставку мои курсы 1867-го и 1892-го годовъ.

Но пригодна ли, возможна ли даже такая тема для лекціи? Можно ли найти сколько-нибудь существенныя перемѣны въ правѣ, законодательствѣ, въ наукѣ, — за такой, сравнительно, короткій промежутокъ времени? Двадцать-пять лѣтъ — это большая величина въ скоропреходящей жизни личности, этой однодневки мірозданія; но что такое подобный срокъ для вѣковыхъ институтовъ права, переживающихъ иногда не только поколѣнія, но и цѣлыя народы; побѣдоносно передаваемыхъ, какъ наслѣдіе, отъ одной исторической эпохи жизни человѣчества — другой?..

Сознаюсь, такая попытка была бы, можетъ быть, бесплодна, если бы вопросъ не относился къ уголовному праву, — тому праву, котореѣ недавно почившій, великій мастеръ правовѣденія, Иерингъ, мѣтко характеризировалъ тѣмъ, что оно вмѣстѣ съ народомъ переживаетъ всѣ

*) Лекція, читанная въ университетѣ Варшавы 21 Сентября 1892 г.

фазисы его соціального развитія; что, мягкое и гибкое, какъ воскъ, оно податливо воспринимаетъ все впечатлѣнія окружающей жизни.

А минувшая четверть вѣка не бѣдна событіями, оставившими глубокия борозды въ исторіи народовъ и государствъ.

Стѣдуетъ вспомнить—въ области политической—пруско-австрійскую, франко-прусскую и русско-турецкую войны, такъ измѣнившія политическую карту Европы; образованіе воинствующей германской имперіи; созданіе и ростъ республики во Франціи; воцарившуюся нынѣ въ международныхъ отношеніяхъ систему вооруженнаго мира и дружественной вражды. Въ области соціальной жизни—все сильнѣе и сильнѣе растущее значеніе рабочаго вопроса, вопроса объ обезпеченіи труда, и—какъ внѣшнее проявленіе начинающагося измѣненія экономическаго строя—развитіе интернаціональныхъ союзовъ, поражающій ростъ социалистической партіи, грозныя, кровавыя вспышки анархической дѣятельности. Наконецъ, въ области умственного труда—побѣдоносное шестіе опытнаго знанія, примѣненіе къ изученію психологіи личности, къ сферѣ общественныхъ и государственныхъ явленій—методовъ и приѣмовъ изученія природы.

Если справедливъ отзывъ Теринга, то могло ли остаться безъ измѣненій уголовное законодательство Европы?

Дѣйствительно, даже бѣглый обзоръ западно-европейскихъ законодательствъ вполне подтвердитъ правильность высказанной Терингомъ мысли.

Когда я началъ мои чтенія по уголовному праву, въ Германіи дѣйствующее законодательство составляло смѣсь самыхъ разнообразныхъ законоположеній. Въ четырехъ областяхъ: въ Мекленбургѣ, Лауенбургѣ, Шаумбургъ-Липпе и Бременѣ, сохраняло силу обще-германское право, т. е. „Каролина“, нѣсколько поглаженная и приспособленная къ потребностямъ времени. Въ другихъ частяхъ Германіи дѣйствовали (послѣ 1867 г.) десять отдѣльныхъ кодексовъ, большинство которыхъ, какъ, напр., саксонскій, баденскій, виртембергскій, носили явные слѣды пѣмецкой доктрины начала нынѣшняго столѣтія; а два, наиболѣе вліятельныя уложенія, прусское 1851 г. и баварское 1861 г., пересадили въ Германію начала иноземнаго, французскаго права. Совершившееся объединеніе Германіи замѣлило все это разнообразіе единымъ уложеніемъ, сдѣлавшимся съ 1872 г. кодексомъ для всей германской имперіи. Но уже и этотъ, повидимому, столь юный кодексъ, подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ 1876 г., былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ карательныхъ законовъ, а нынѣ слышатся весьма вѣскіе голоса, требующіе новаго кореннаго пересмотра кодекса 1872 г.

На сѣверѣ къ тому времени только что появились новые кодексы:

въ Даниі 1866 г., Швеціи 1865 г.; эти кодексы остаются дѣйствующими и понынѣ, но въ Швеціи и Норвегіи выработаны уже проекты новыхъ уложеній.

Въ Венгріи новый кодексъ былъ изданъ въ 1878 г. и вступилъ въ силу съ 1880 года. Австрія за этотъ періодъ представила рядъ проектовъ 1867, 1874, 1881 и 1889—1891, не получившихъ примѣненія, благодаря трудности подвести подъ одно германское законодательство разноплеменное население имперіи.

Попытки объединенной Италіи создать общенитальянское уголовное уложеніе увѣнчались во многихъ отношеніяхъ заслуживающимъ вниманія кодексомъ 1890 г.

Въ Голландіи съ 1886 г. вступилъ въ силу новый превосходный кодексъ 1881 г.

Франція, правда, сохранила прежнее уголовное законодательство; но со времени республики послѣдоваль дѣльный рядъ существенныхъ измѣненій по всѣмъ наиболѣе важнымъ отдѣламъ, а съ 1889 образована коммиссія для выработки новаго уложенія, представившая уже крайне интересный проектъ общей части.

Даже въ Англии, въ 1878 и 1880 гг., были сдѣланы попытки кодификаціи, и въ парламентъ были вносимы проекты уголовного уложенія.

Еще интереснѣе было бы прослѣдить соотношеніе социальнополитическихъ измѣненій послѣдняго двадцатипятилѣтія съ отдѣльными уголовными узаконеніями; но ограниченное время не позволяетъ мнѣ войти въ этотъ разборъ: я позволю себѣ только упомянуть о наиболѣе типичныхъ явленіяхъ съ этой точки зрѣнія, — какъ напр., объ узаконеніяхъ о шпіонствѣ въ мирное время; о законахъ о социалистахъ; о постановленіяхъ относительно наказуемости взрывовъ, изготовленія и пользованія взрывчатыми веществами и т. д.

Итакъ, матеріалъ курса 1892 г., относящійся къ дѣйствующимъ иностраннымъ уголовнымъ законодательствамъ, совершенно преобразился сравнительно съ курсомъ 1867 г. Перейду къ главному матеріалу лекцій, къ русскому законодательству.

„Нѣтъ поры краше утренней зари“, — говоритъ пародная пѣсня. Оттого такъ радостно вспоминать пору молодости, когда кровь ключомъ кипитъ, а „силушка по жилушкамъ переливается“. Но особенно красно вспоминается минувшая молодая пора нашему поколѣнію, такъ какъ она совпала съ эпохою обновленія Россіи, съ тою эпохою великихъ преобразованій, откуда, по выраженію моего покойнаго друга, профессора Градовскаго, „пошло все, чѣмъ красна наша жизнь“. Трудно всецѣло, пластически передать обаятельную силу того вре-

мени, юношески-возбужденное состояніе общественной жизни въ тѣ года, когда мнѣ пришлось выступить преподавателемъ. Я могу сравнить его развѣ съ подъемомъ жизни, испытаннымъ, вѣроятно, тѣми изъ васъ, которымъ посчастливилось переживать первыя проявленія нашей южной весны гдѣ-нибудь въ Ялтѣ или на побережьѣ Кавказа, когда жизнетворною силою проникнуть каждый атомъ мірозданія, когда гулко и весело бьется пульсъ жизни во всей расцвѣтающей природѣ.

Державная воля Царя только-что разбила ледяную кору крѣпостничества, и подъ горячимъ соляцемъ свободы заискрились и за сверкали омертвѣлыя дотолѣ волны народной жизни. Законъ 1-го января 1864 г. призвалъ къ работѣ мѣстныя силы, указавъ имъ путь совмѣстной дружной дѣятельности для улучшенія экономическаго положенія страны, потрясаемаго совершившимся переворотомъ; на тѣхъ же началахъ подготавливалось преобразованіе городского управления.

Наконецъ, незадолго до начала моихъ лекцій, въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ зазеленѣла сочная молодая листва, казалось, столь крѣпко взрожденнаго дуба судебной реформы.

14-го іюня 1866 г. было первое засѣданіе въ Петербургѣ вновь открытаго суда; въ іюлѣ состоялся первый разборъ дѣла съ присяжными, а 15-го августа 1866 происходило первое засѣданіе уголовного кассационнаго департамента. Все въ обществѣ было полно новымъ судомъ: о немъ, о затронутыхъ первыми засѣданіями юридическихъ вопросахъ трактовали въ специальныхъ журналахъ; имъ посвящали свои сочувственныя статьи только-что сбросившіе ярмо предварительной цензуры общіе журналы и газеты; они служили тѣмою для болтовни въ гостиниой. Все вѣрили, восторгались, рисовали вновь возникшую дѣятельность судовъ въ особыхъ, розовыхъ перспективахъ; но особенно было дорого вѣское слово тѣхъ, кто пережилъ старый, беспросвѣтный, подъяческій порядокъ, — увы! — рисуемый нынѣ многими, его не испытавшими, какъ желанное и дорогое наслѣдіе предковъ!

Не могло остаться безотвѣтнымъ на все эти видоизмѣненія жизни и уголовное законодательство.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., когда съ церковнаго апалоя призывался русскій народъ „осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ“, призывая благословеніе Божіе на свой свободный трудъ, — появилась многоизвѣстная записка князя Орлова о несомвѣстности тѣлесныхъ наказаній съ разумными условіями развитія государственной жизни, — записка, встрѣченная столь сочувственно большинствомъ представителей нашихъ правящихъ тогда сферъ и вызвавшая законъ 17-го апрѣля 1863 г., въ корень распатавшій лѣстницу наказаній по уложению 1845 г.

Затѣмъ, составители судебныхъ уставовъ предположили вслѣдъ за уставами приступить къ переработкѣ существующихъ уголовныхъ законовъ; но это ихъ предположеніе не осуществилось. Они удовлетворились лишь частичными поправками—составленіемъ устава о наказаніяхъ и послѣдовавшимъ, на основаніи закона 27-го декабря 1865 г., новымъ переизданіемъ уложенія о наказаніяхъ,—и это неисполненіе ихъ предположеній даетъ право, по моему мнѣнію, сдѣлать тяжкій упрекъ составителямъ уставовъ. Въ немъ, думается мнѣ, кроется одно изъ главныхъ основанийъ позднѣйшихъ нареканій на наше новое уголовное судопроизводство: нельзя было жизненепригодному, изсыхающему продукту канцеляризма щеголять въ платьѣ, скроенномъ на растущій живой организмъ.

Съ изданіемъ устава о наказаніяхъ, впрочемъ, не кончились заботы нашихъ правительственныхъ сферъ о переработкѣ уголовныхъ законовъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи смѣнялись одна комиссія за другою, стремившіяся къ сближенію съ жизнью нашихъ карательныхъ мѣръ, къ пересмотру нашей лѣстницы наказаній, и, наконецъ, было приступлено, къ составленію проекта новаго уложенія.

Въ мертвяцій, кровавый день 1-го марта 1881 г., на бывшемъ въ университетѣ диспутѣ, за нѣсколько часовъ до мученической кончины Царя-Преобразователя, мнѣ было передано отъ министра юстиціи приглашеніе принять участіе въ работахъ по составленію новаго уголовного уложенія. Комиссія официально образовалась только въ апрѣлѣ, но предположеніе о ней было однимъ изъ послѣднихъ плановъ преобразованія жизни Россіи, получившихъ благословеніе покойнаго Государя.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, и вѣрится, что эта работа, оконченная нынѣ вчернѣ, на которую потрачено такъ много заботныхъ думъ,—не сгинетъ безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, работы комиссіи, ея объяснительныя записки, составляютъ опредѣленный вкладъ въ разработку русскаго уголовного права. Тѣ части труда комиссіи, которыя были переведены на нѣмецкій языкъ, получили крайне лестную оцѣнку выдающихся представителей нѣмецкой доктрины. Въ новѣйшихъ учебникахъ уголовного права—Листа, Мейера—объяснительныя записки комиссіи цитируются въ числѣ пособій; не могли, конечно, эти работы не отразиться и на левціяхъ русскихъ криминалистовъ.

Не могли не отразиться еще и потому, что за послѣднее пятилѣтіе появился цѣлый рядъ законовъ, дополняющихъ уложеніе, основанныхъ на предположеніяхъ комиссіи.

И въ этомъ отношеніи, очевидно, матеріалы моего курса 1867 г. существенно разнятся отъ настоящаго.

Перехожу къ еще болѣе краткому обзору измѣненій въ научной обработкѣ матеріала.

Сто лѣтъ назадъ, наши предки были свидѣтелями грознаго явленія въ исторіи человѣчества. На западной окраинѣ Европы сгустились столѣтіями накопившіеся неурядки соціальной жизни; скопились горючіе, легко воспламеняющіеся матеріалы, образовавшіеся отъ отбросковъ и осадковъ гнета высшихъ сословій, отсутствія гарантій личныхъ правъ, обезпеченности личнаго труда, свободы обмѣна продуктовъ мысли и знанія. Произошло потрясающее изверженіе скорби человѣчества, предъ которымъ являются столь ничтожными всѣ исторически извѣстныя изверженія вулкановъ природы. Оно засыпало пепломъ, сожгло своею лавою, уничтожило, не только мѣстечки, города, но—принципы, учрежденія, вѣрованія, считавшіеся незыблемыми устоями общественной жизни; оно потрясло весь „старый порядокъ“. Его громовые раскаты, его подземные удары разстроили или внесли смятеніе не только въ сопредѣльныя государства, но даже и въ далекія, чуждыя ему по вѣсѣмъ видимостямъ страны.

Въ видѣ кучи хаотическихъ обломковъ оставила революція и систему дѣйствовавшихъ доголѣ уголовныхъ постановленій. Устраненіе членовредительныхъ наказаній, квалифицированной смертной казни, пытокъ, системы формальныхъ доказательствъ и другихъ основъ инквизиціоннаго процесса—сводило, повидимому, къ нулю все существующее уголовное право.

Разбивая въ настоящемъ ненавистное прошлое, революція отрицательно отнеслась къ исторіи и ея завѣтамъ. Въ правѣ, какъ и повсюду, водворялся культъ богини разума, съ ея ослѣпляющимъ гармонією сочетаній торсомъ, обнаженнымъ отъ условно классическихъ покрововъ.

И когда, затѣмъ, доктрина XIX вѣка стала разбираться въ уцѣлѣвшихъ обломкахъ стараго порядка, то она, въ свою очередь, отвернулась отъ этой минувшей судебно-законодательной практики, преслѣдуя другія, по ея мнѣнію, болѣе важныя цѣли.

Лейзеръ былъ послѣдній изъ наиболѣе крупныхъ криминалистовъ-теоретиковъ, писавшихъ для практики. Мѣсто комментаріевъ заняли учебники; уголовное право разрабатывалось внѣ условій мѣста и времени. Философія была объявлена не только источникомъ, но и главнымъ источникомъ дѣйствующаго права. Изъ добытой путемъ философическихъ приемовъ идеи права выводилась идея преступленія и кары, какъ его послѣдствія, а изъ установленнаго понятія преступленія, путемъ дедукціи, устанавливались не только признаки преступнаго дѣянія, но и опредѣленія родовъ и видовъ преступленій и мѣры налагаемыхъ за нихъ взысканій.

Наступила эпоха созданія всевозможныхъ системъ теорій наказуемости, эпоха горячей и ожесточенной борьбы между ними; юристы-практики принимали въ борьбѣ не менѣе живое участіе, стремясь провести въ жизнь принципы тѣхъ или другихъ абстрактно созданныхъ построений.

Въ Германіи это направленіе доктрины было господствующимъ и въ 60-хъ годахъ.

Когда я въ 1863 году поѣхалъ въ Германію для продолженія научныхъ занятій подъ руководствомъ нѣмецкихъ ученыхъ, — распределение корифеевъ этого направленія представлялось въ такомъ видѣ. Въ Тюбингенѣ незадолго передъ тѣмъ скончался талантливѣйшій представитель абстрактнаго метода — Кестлингъ, и его мѣсто занялъ его ученикъ и другъ — Геслеръ; въ Берлинѣ увлекалъ стройностью и логичностью построений молодой гегелианецъ — Бернеръ, а рядомъ съ нимъ излагалъ въ томъ же направленіи основы уголовного права маститый представитель той же школы — Гефтеръ; въ Кенигсбергѣ читалъ уголовное право гегелианецъ Абеггъ; въ Боннѣ былъ Гельшнеръ, въ Іенѣ — Марецоль, въ Лейпцигѣ — Вехтеръ.

Только въ жизнерадостномъ Гейдельбергѣ, гдѣ природа соперничаетъ въ красотѣ съ творчествомъ человѣка, привлекалъ массу слушателей глашатай иного направленія, маститый уже въ то время Миттермайеръ, пользовавшійся громадною извѣстностью за предѣлами Германіи, но едва признаваемый своими нѣмецкими коллегами.

По складу своего ума Миттермайеръ былъ всегда противникомъ науки для науки; онъ считалъ условіемъ всякаго юридическаго метода его примѣнимость къ жизни; у него нельзя встрѣтить ни одной работы чисто кабинетной, ни въ философской, ни въ исторической сферѣ права. Онъ не высказывалъ ни одного юридическаго положенія, не подерѣпивъ его примѣрами изъ дѣйствительной жизни; даже той или другой научной теоріи отдавался онъ настолько, насколько она оправдывалась и была осуществима на практикѣ. Признавая право жизненнымъ явленіемъ, онъ требовалъ, чтобы и его высшія основныя начала были раскрываемы путемъ анализа жизненныхъ юридическихъ отношеній. Не отрицая значенія дедукціи при разработкѣ законовъ социальныхъ явленій, онъ считалъ необходимымъ провѣрить дедуктивные выводы изъ установленныхъ уже принциповъ и началъ права — эмпирическими обобщеніями, добытыми изъ жизни путемъ наблюденій и опыта. Онъ не отрицалъ въ принципѣ значенія ни философіи, ни исторіи; напротивъ того, онъ отводилъ надлежащее мѣсто не только исторіи догмы, но и исторіи правовыхъ институтовъ, какъ необходимаго подпорья раскрытія законовъ общественной жизни. Онъ возставалъ только противъ исключительнаго

преобладанія философскаго элемента въ разработкѣ права, онъ возставалъ противъ исключительнаго примѣненія отвлеченнаго метода, забывавшаго, что право—не геометрическая формула, а жизненное явленіе, создающееся и развивающееся не подѣ влияніемъ одного какого-либо принципа, а являющееся продуктомъ сложнаго механизма, взаимодѣйствія различныхъ силъ.

Миттермайеръ былъ центромъ этого направленія; его ученики уже выдвигались и въ другихъ университетахъ, какъ недавно умершій проф. Гольцендорфъ, бывшій тогда приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ, проф. Вальбергъ—въ Вѣнѣ.

Семестръ, проведенный мною въ Гейдельбергѣ, въ уютной комнатѣ на Pleckgass'ѣ, съ неизмѣнно ласкающимъ видомъ на Schloss и Königstuhl, остался лучшимъ воспоминаніемъ моего заграничнаго студенчества. Подѣ руководствомъ Миттермайера выбралъ я тему для магистерской диссертациа; ему я представилъ въ извлеченіи переводъ основныхъ положеній нашего проекта уголовного судопроизводства, вызвавшего сочувственный его отзывъ, столь извѣстный нашимъ юристамъ; отъ него получилъ я и незабвенное для меня теплое напутствіе на дальнѣйшую педагогическую дѣятельность.

Въ Россіи въ ту эпоху шла, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, борьба тѣхъ же направленій.

Когда мнѣ пришлось слушать въ университетѣ курсъ уголовного права, въ основу изложенія былъ положенъ юнымъ еще тогда профессоромъ петербургскаго университета, В. Д. Спасовичемъ, курсъ гегелянца Бернера, а въ 1863 г. талантливый нашъ криминалистъ, въ предисловіи къ своему учебнику, уже заявилъ: что ему „пришлось отказаться отъ всего абсолютнаго, отвергнуть всѣ отвлеченности и, ставъ на почвѣ реализма, цѣль и задачу науки поставить въ неуклонномъ наблюденіи живой дѣйствительности“.

Его преемникъ по кафедрѣ въ петербургскомъ университетѣ, А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ, въ 1859 г., въ рѣчи о правѣ наказанія, читанной имъ въ Ярославлѣ, являлся простымъ компиляторомъ трудовъ одного изъ самыхъ ярыхъ послѣдователей метафизическихъ построеній уголовныхъ институтовъ Гейпа, а въ 1862 г. Чебышевъ-Дмитріевъ выступилъ съ своимъ талантливымъ трудомъ о преступномъ дѣйствиіи по русскому до-Петровскому праву, и въ этомъ историческомъ трудѣ съумѣлъ блистательно примѣнить жизненный приѣмъ изслѣдованія юридическихъ явленій.

Для меня, предѣ началомъ преподаванія, выборъ направленія былъ ясенъ: его подсказывала сама юридическая жизнь того времени, требовавшая неустанной разработки дѣйствительности. На-

сколько оказался я годенъ для осуществленія этихъ требованій, судить не мнѣ; но не могу не вспомнить, что наиболѣе отрадною наградою для меня въ этомъ отношеніи была оцѣнка моей докторской диссертациі о преступленіяхъ противъ жизни, сдѣланная на моемъ диспутѣ моимъ учителемъ В. Д. Спасовичемъ, высказавшимъ, что эпиграфомъ моей работы можно было бы поставить: „изъ жизни для жизни“.

Такова была постановка вопроса о методѣ разработки уголовного права, съ которою я приступалъ къ моимъ чтеніямъ въ 1867 году.

Тотъ жизненный матеріалъ, который мы наблюдали и изучали, на которомъ мы провѣряли пригодность законодательныхъ постановленій, было преступное дѣяніе, — то особое юридическое отношеніе, въ которое становилось лицо, посягнувшее на общественный порядокъ, къ этому порядку, къ государству; тѣ отношенія, которыя возникали затѣмъ между преступникомъ и властнымъ, карающимъ его органомъ правосудія.

Конечно, анализируя эти отношенія, мы не забывали, что всякое преступленіе есть выраженіе личности; что, карая, государство причиняетъ страданіе не абстракціи, а живому организму, человѣку; что безъ всесторонней оцѣнки преступника немыслима никакая разумная теорія наказуемости; но мы этимъ проявленіемъ преступной личности и ограничивали сферу нашихъ изслѣдованій.

Между тѣмъ уже давно въ литературѣ стали появляться попытки изученія преступленія и преступника не съ юридической, а, такъ сказать, съ соціальной точки зрѣнія. Въ трудахъ публицистовъ конца XVIII в. перѣдко можно встрѣтить разсужденія о зависимости преступленій отъ этнографическихъ, и въ особенности культурныхъ условій общежитія; сопоставленіе преступленій съ общественными и экономическими неурядицами; соображенія объ особенностяхъ преступнаго населенія, о нравахъ и привычкахъ отдѣльныхъ классовъ преступниковъ; но всѣ эти разсужденія строились а priori, являлись большею частью общими мѣстами, непригодными для потребностей дѣйствительной жизни.

Только появленіе точныхъ статистическихъ данныхъ, въ особенности статистическихъ отчетовъ французскаго министерства юстиціи, поставило изученіе преступленія, какъ продукта общественной жизни, на болѣе твердую почву. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ появляются важнѣйшіе труды родоначальника моральной статистики бельгійскаго астронома Кетлѣ: въ 1836 г. — его изслѣдованіе о человѣкѣ и его способностяхъ, а въ 1848 г. — „*Système sociale*“; провозглашается знаменитый

афоризмъ Кетлѣ о томъ, что нѣтъ бюджета, который бы общество выполняло съ такою точностью, какъ бюджетъ, платимый преступленіями.

Но уголовная доктрина долго, даже до 60-хъ годовъ, относилась безучастно къ этимъ изслѣдованіямъ. Извѣстнѣйшій изъ нѣмецкихъ учебниковъ конца 50-хъ годовъ, учебникъ Бернера, только парюю словъ обмолвился о моральной статистикѣ, упомянувъ о ней въ числѣ второстепенныхъ вспомогательныхъ наукъ для изученія уголовного права. Когда у насъ, въ 1866 г., одинъ изъ талантливейшихъ нашихъ криминалистовъ, Н. Неклюдовъ, представилъ свое статистическое изслѣдованіе о соотношеніи возраста съ преступностью для приобрѣтенія степени магистра уголовного права, то въ юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета возбудился даже вопросъ о самой пригодности такой тѣмы для магистерскаго сочиненія по уголовному праву.

Но какъ измѣнилось значеніе такихъ изслѣдованій съ того времени! Сколько именъ, выдающихся между юристами, посвятили свои труды изученію законовъ, управляющихъ преступностью, какъ социальнымъ явленіемъ. Рядомъ съ изслѣдованіями биологической стороны—вліянія пола, возраста, расы—появились работы о космическихъ условіяхъ преступности, о вліяніи временъ года, температуры, географическихъ условій; о соотношеніи преступления съ цѣнами на хлѣбъ, съ колебаніями предложенія и спроса на рабочемъ рынкѣ, и т. д. Въ 1872 г. молодой доцентъ ярославскаго лицей, М. Духовсгой, въ своей вступительной лекціи по уголовному праву,—даже этою социальною стороною изученія преступления опредѣлялъ все содержаніе своихъ будущихъ лекцій.

Всѣми этими изслѣдованіями затрогивалась, однако, только одна сторона социальнаго изученія преступления, затрогивался вопросъ о соотношеніи объема условій и движенія преступности съ даннымъ состояніемъ общества и его культуры; но оставалась нетронутою другая сторона—вопросъ о той средѣ, которая поставляетъ требуемый общественною жизнью контингентъ преступниковъ и вноситъ ту роковую подать, отъ которой не свободны ни одно человѣческое общество. Оставались неизслѣдованными тѣ условія и данныя человѣческаго организма, которыя дѣлали его пригоднымъ для культивированія—выражаясь языкомъ современной эпидемиологіи—бакциллы преступности.

Эту задачу взяла на себя антропологическая школа. Отдѣльныя изслѣдованія по анатоміи и физиологіи преступниковъ встрѣчались и ранѣе, но первымъ систематическимъ трудомъ, послужившимъ основнымъ базисомъ всего направленія, было сочиненіе врача Лом-

брозо—„L'Uomo delinquente“, появившееся въ 1876 г. Къ Ломброзо применилъ рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ послѣдователей—юристовъ, естествоиспытателей, врачей, всего болѣе въ Италіи, затѣмъ во Франціи, отчасти въ Германіи и у насъ въ Россіи. Насколько многоплодна дѣятельность этой школы, можно видѣть изъ того, что, по свидѣтельству Луккини, въ послѣднія шесть лѣтъ до 1892 г., въ одной Италіи появилось до трехсотъ сочиненій, вызванныхъ новымъ направленіемъ, его борьбою со старою, такъ называемою классическою школою.

Изучая анатомическое строеніе преступниковъ, въ особенности ихъ черепъ, ихъ физиологическія отправления, отличительныя черты ихъ моральной и духовной жизни, ихъ привычки, нравы, жаргонъ, одежду, ихъ литературное творчество,—на основаніи этихъ изысканій новая школа пыталась обрисовать не только типъ преступнаго чело-вѣка, прирожденнаго преступника, но и указать специфическіе признаки отдѣльныхъ видовыхъ типовъ — воровъ, убійцъ и даже политическихъ преступниковъ.

Новая школа пыталась также подыскать хотя и весьма разнообразныя объясненія существованія преступнаго типа въ современномъ обществѣ. Одни сопоставляли преступниковъ съ душевно-больными, видя въ нихъ особый типъ „преступника-помѣшаннаго“; другіе видѣли въ нихъ продуктъ „наслѣдственнаго вырожденія поколѣній“, результатъ пьянства, разврата и сумасшествія ихъ родичей; третьи, наоборотъ, сближали ихъ съ нашими до-историческими предками, видя въ нихъ примѣръ физическаго и нравственнаго атавизма. Стоя на этой послѣдней точкѣ зрѣнія, одинъ изъ ярыхъ адептовъ школы, Альбрехтъ, на римскомъ антропологическомъ конгрессѣ высказалъ довольно смѣлую гипотезу, что собственно преступникъ и есть нормальный чело-вѣкъ, котораго наказываютъ за то, что онъ не хочетъ сдѣлаться ненормальнымъ.

Нельзя не сказать, — въ значительной части выводы новой школы страдаютъ отсутствіемъ серьезности изслѣдованія, скороспѣlostью, преобладаніемъ фантазіи надъ дѣйствительностью. Объ этомъ лагладно свидѣтельствуетъ и расколъ, происшедшій въ самой школѣ и выразившійся на ея послѣднихъ конгрессахъ, изъ которыхъ на брюссельскій—Ломброзо и его ближайшіе друзья даже вовсе отказались явиться. Самая идея—искать естественно-историческій типъ прирожденнаго преступника, или построить такія обобщенія, какъ типъ убійцы, государственнаго преступника,—вызываютъ невольную улыбку. Даже болѣе прочно стоящія статистическія изслѣдованія социологіи преступленій страдаютъ въ самомъ корнѣ, въ неопредѣлен-

ности и неудобосравнимости изучаемых данных. Но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что это новое направленіе значительно повліяло на уголовное право, и не только теоретически, но и практически.

Я позволю себѣ бѣгло указать на измѣненіе постановки вопроса о вмѣняемости въ новѣйшей доктринѣ и на введеніе позитивнаго критерія вмѣняемости въ новомъ итальянскомъ уложеніи и въ нашемъ проектѣ,—на столь практически важную классификацію преступниковъ привычки и преступниковъ случайныхъ, отразившуюся на новыхъ законахъ: французскомъ 1835 г.—о рецидивистахъ, бельгійскомъ 1838 г. и французскомъ 1891 г. объ условныхъ приговорахъ и т. п.

Особенно важныя услуги уголовному праву можетъ оказать то болѣе трезвое направленіе новой школы, которое выдвинулось за послѣднее время во Франціи, съ Жоли и Тардомъ во главѣ, и попытки воспользоваться соціологическими и антропологическими работами въ области преступленій для построения теоріи уголовного права, сохраняя, однако, за нимъ первенствующее значеніе юридической науки, — попытки, дѣлаемая нынѣ школою Листа въ Германіи и Гаррô во Франціи.

Итакъ, кипучая работа охватила въ послѣднее десятилѣтіе всю область уголовного права. Будущему и, можетъ быть, близкому будущему суждено разобратъ въ этой массѣ новыхъ понятій, взглядовъ, наблюденій накопившагося опыта; сблизить, взаимно освѣтить и въ то же время размежевать понятія о преступленіи, какъ противосоціальномъ наказуемомъ дѣяніи, съ понятіемъ о преступленіи, какъ проявленіи общественной и личной преступности. Завидная участь будущихъ работниковъ!...

Обзоръ мой конченъ; думаю, что сдѣланное мною хотя и общее сопоставленіе курсовъ 1867 и 1892 гг., не было бесполезно, и достаточно подтвердило правильность приведеннаго мною въ началѣ замѣчанія Геринга о жизнеотзывчивости уголовного права.

Позвольте мнѣ окопчить мою бесѣду пожеланіемъ, также почерпнутымъ изъ воспоминаній минувшаго, изъ воспоминаній о напутствіи, съ которымъ въ лѣтній семестръ 1864 г. обратился къ своей аудиторіи маститый Миттермайеръ, прощаясь съ нею.

Чредою пролетятъ года, неустанная коса смерти сброситъ насъ съ жизненной арены. Вы вступите въ дѣйствительную жизнь: помимо практики, непосредственнаго приложенія закона къ жизни, многіе изъ васъ будутъ призваны къ участію въ законодательныхъ работахъ, къ пересмотру того, что создаемъ мы нынѣ, къ перестройкѣ

законодательства на основаніи новыхъ данныхъ, по новымъ началамъ; можетъ быть, сбудется и мое сердечное желаніе, и кто-нибудь изъ васъ займетъ эту кафедру, посвятивъ себя культурѣ вѣчно юнаго древа познанія... Да не поростетъ у васъ быльемъ забвенія память о вашемъ учителѣ, и при всякомъ движеніи впередъ мысли и знанія, при всякой борьбѣ за развитіе чловѣчности въ правѣ, за охрану правъ личности, за прогрессъ, — вспоминайте вашего стараго преподавателя, — и мое сочувствіе и благословеніе будетъ всегда съ вами!..

